

МИХАИЛ ХОРТ*

ЭВИДЕНЦИАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ДОКСТАИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ И ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ НОРМАТИВНОСТИ**

Получено: 31.03.2025. Рецензировано: 20.08.2025. Принято: 12.04.2026.

Аннотация: В статье исследуется проблема докстического контроля в контексте эпистемической нормативности, с акцентом на противоречия между волюнтаризмом и инволюнтаризмом в отношении убеждений. Автор критикует деонтологическую модель, связывающую обязанности эпистемических агентов с прямым волевым контролем, и доказывает, что убеждения формируются пассивно под давлением свидетельств, а не произвольных решений. Однако нормативность сохраняется через переосмысление эпистемических обязательств как соответствия доказательствам (эвиденциализм Р. Фельдмана). Ключевым аргументом является различие убеждения и принятия. Предлагается ряд мысленных экспериментов, которые демонстрируют невозможность произвольного формирования убеждений, подчеркивая их зависимость от эмпирической и логической базы. Эвиденциализм Фельдмана переносит нормативность на уровень ролевых обязательств агентов, где оценка убеждений зависит от соответствия доступным свидетельствам, а не индивидуального выбора. Автор признает ограничения эвиденциализма (игнорирование долгосрочных обязательств, парадоксы искусственного ограничения данных), но утверждает, что эти проблемы компенсируются социально-эпистемологическими механизмами. Основной вывод статьи заключается в том, что эпистемическая нормативность в науке — свойство систем, а не индивидов. Она реализуется через методологические стандарты и коллективную рациональность, смещая фокус с долженствования на условия производства знания.

Ключевые слова: докстический контроль, эпистемическая нормативность, волюнтаризм, инволюнтаризм, эвиденциализм, социальная эпистемология.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-221-246.

ВВЕДЕНИЕ

Формирование убеждений (докстических состояний) в рамках аналитической эпистемологии, особенно в ее деонтологической версии, восходящей к У. Клиффорду, традиционно рассматривается как процесс, подчиненный строгим нормативным требованиям. Эти требования

*Хорт Михаил Геннадьевич, к. филос. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), mikhort@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4284-6533.

**© Хорт, М. Г. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 23-78-01221 (<https://rscf.ru/project/23-78-01221>).

могут включать в себя обязанность субъекта соотносить свои убеждения с доступными свидетельствами, избегать противоречий, пересматривать свои позиции в свете новых данных. Ключевой вопрос, однако, заключается в том, в какой степени познающий субъект способен контролировать эти состояния, то есть сознательно выбирать и отвергать убеждения по своему желанию. Проблема доксистического волюнтаризма и инволюнтаризма затрагивает саму возможность приписывания эпистемической ответственности. Если, как утверждает У. Олстон (Alston, 1988), индивид не обладает прямым волевым доступом к своим убеждениям, то классические эпистемические императивы (например, в духе уже упомянутого У. Клиффорда — «всегда, везде и для каждого ошибочно иметь какое-либо убеждение без достаточных на то оснований» (Клиффорд, Горбатова и Фауль, 2019: 45)), вероятно, теряют нормативную силу. И напротив, если контроль над убеждениями возможен (волюнтаризм), то возникает фундаментальная угроза релятивизма и субъективизма.

В данной статье мы намерены проанализировать это противоречие в общем контексте теории познания. Наша цель — показать, что критика доксистического волюнтаризма не ведет к отмене нормативности, но требует ее переосмысления. Критикуя классическую деонтологическую модель, мы опираемся на инволюнтаристский аргумент Олстона и фундаментальное различие убеждения и принятия. В качестве конструктивного решения рассматривается эвиденциалистский подход Р. Фельдмана, который переносит источник нормативности с индивидуального волевого акта на соответствие доступным свидетельствам и исполнение агентом определенных познавательных ролей. В конечном счете мы приходим к выводу, что эпистемическая нормативность, сохраняя свою силу, оказывается свойством не столько индивида, сколько систем коллективной познавательной практики и коммуникации.

Фокус статьи ограничен традицией аналитической эпистемологии, сосредоточенной на концептуальном анализе. Признавая огромную ценность социально-эпистемологических, социологических и исторических исследований познания (от М. Полани и Т. Куна до Д. Блура и современных STS — Science and Technology Studies), мы сознательно оставляем их за рамками данного анализа.

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НОРМАТИВНОСТЬ И ИНВОЛОНТАРИСТСКИЙ АРГУМЕНТ

В общем смысле под эпистемической нормативностью мы будем понимать свойство когнитивных процессов и состояний быть регулируемыми правилами, которые предписывают, как следует форми-

ровать, пересматривать или отвергать докстатические установки. Эти правила, или эпистемические нормы, задают критерии обоснованности, рациональности и эпистемической ответственности. Например, норма «не следует допускать противоречивых убеждений» требует избегать противоречивых утверждений, а естественнонаучная норма «полагать только то, что верифицируемо в опыте» предписывает связывать убеждения с эмпирическим способом доказательства.

Ключевой вопрос заключается в том, как возникает эпистемическая нормативность и каков характер ее связи с пруденциальными и этическими нормами. В рамках деонтологического подхода¹ эпистемические нормы трактуются как обязанности, схожие с моральными: субъект имеет обязательство приобретать убеждения, соответствующие наилучшему доступному обоснованию, даже если это противоречит его желаниям, моральным или прагматическим целям. Например, астроном, игнорирующий новые данные о смещении спектра галактик, нарушает эпистемическую норму, подобно тому как человек, не выполняющий обещание, нарушает моральную. С точки зрения деонтологических подходов в этике, если субъект обладает некоторым обязательством совершить действие, то от него требуется совершить это действие (иначе говоря, наличие долга обеспечивает достаточную и необходимую причину для действия). Идентичным образом объясняются эпистемические нормы:

[R1] Эпистемическое обязательство (Eo) субъекта (S) иметь докстатическое отношение (Da) к некоторой пропозиции (p) является достаточным и необходимым условием того, чтобы S полагал Da относительно p .

Такое общее описание того, в чем состоит эпистемическая нормативность, еще не дает объяснения, какова ее природа. Как правило, природу

¹ Имеется также альтернативный подход к описанию эпистемической нормативности — консенквенциалистский, или телеологический. Его сторонники согласны, что эпистемическая нормативность связана с обоснованностью убеждений. Отличие в том, что указанную нормативность они стремятся объяснить без привлечения деонтических терминов, ограничиваясь оценками убеждений как «хороших» или «уместных» и «подходящих». По их мнению, когда убеждения оцениваются как обоснованные, то они просто маркируются как уместные относительно эпистемических целей вроде максимизации истины. Так, например, норма эмпирических наук «проверяй гипотезы через эксперименты» оправдана для консенквенциалистов тем, что такая практика повышает вероятность достижения доказуемых истин о природе. С нашей точки зрения, в вопросе докстатического контроля этот подход сталкивается с теми же проблемами, что и деонтологический, поэтому мы не рассматриваем их отдельно. В частности, применительно к этике убеждения У. Клиффорда есть основания интерпретировать эту теорию и как деонтологическую, и как телеологическую. Подробнее об этом см.: Фауль, 2019: 18–20.

эпистемической нормативности связывают с понятиями эпистемического обоснования и эпистемических целей. Когда мы констатируем, что убеждение обосновано, мы тем самым осуществляем его оценку: обоснованное убеждение лучше необоснованного, поскольку оно способствует достижению специфических познавательных целей (эпистемических благ), прежде всего — истины. Таким образом, по мнению деонтологов, если убеждение обосновано, то оно реализует эпистемическое обязательство. Это эквивалентное отношение:

[R2] S имеет обоснованное убеждение (Jd), значит S реализует Eo .

Иными словами, убеждение обосновано, потому что его обоснование связано с выполнением эпистемического долга (который проистекает из самоценного стремления к истине). Как пишет К. В. Карпов,

обоснованные убеждения предполагают деонтологию, причем имеющую двойную нормативность. С одной стороны, она касается познающего субъекта, — он должен рассматривать все имеющиеся свидетельства, касающиеся обоснования данного убеждения, и только при полноте рассмотрения свидетельств убеждение может считаться обоснованным. С другой стороны, к самому убеждению также выдвигаются некоторые требования, — обоснованным считается только такое убеждение, которое удовлетворяет определенным критериям (Карпов, 2023: 183).

Оппоненты деонтологической позиции, однако, отвергают возможность эпистемических обязательств. Их главным доводом является так называемый инволюнтаристский аргумент, ставящий под сомнение возможность добровольного контроля над убеждениями — необходимое условие для приписывания обязанностей. Структура этого аргумента может быть эксплицирована следующим образом.

(а) Если деонтологические оценки убеждений корректны, то субъекты обладают прямым волевым контролем над своими убеждениями.

(b) Но субъекты не обладают прямым волевым контролем над своими убеждениями.

Следовательно, (с) деонтологические оценки убеждений некорректны.

Посылка (а) опирается на кантовский принцип «долженствование предполагает возможность», согласно которому нормативное требование к субъекту применимо только при условии, что он в принципе способен его выполнить. В рамках эпистемологии это означает:

[R3] S имеет Eo , значит S имеет возможность произвольно обладать (отвергать) Da .

Посылка (b), однако, отрицает саму возможность такого контроля, подчеркивая пассивный характер формирования убеждений. Как отмечает У. Олстон, «в ситуации, когда я вижу дерево с листьями при дневном свете и с нормально функционирующим зрением, у меня отсутствует малейшая способность подавить убеждение о наличии листьев» (Alston, 1988: 270). Подобная произвольность свойственна не только перцептивным, но и интроспективным, а также априорным убеждениям: мы не выбираем докстатическую установку, что $2+2 = 4$, или убеждение, что кошки не являются насекомыми, — все они как бы навязываются нам через когнитивные механизмы, независимые от волевых усилий.

На данном этапе необходимо сделать отступление с целью объяснения разницы между двумя близкими, но различными эпистемическими феноменами — убеждением и принятием (*acceptance*), двумя установками, различающимися по своей функциональной роли и эпистемическому статусу. Согласно Дж. Коэну, принятие представляет собой «стратегию полагания, постулирования или допущения пропозиции p — то есть согласия с ней (на долгосрочной основе или для конкретной цели) как с посылкой в некоторых или всех контекстах доказательств, аргументаций, умозаключений и рассуждений» (Cohen, 1989: 368). В отличие от убеждения, принятие не требует внутреннего согласия с истинностью p или аффективной уверенности в ней. Оно является интенциональным актом или стратегией, направленной на организацию рациональной деятельности в рамках заданных параметров (например, научной теории или дискуссионной позиции).

Это различие значимо для различных форм познания (как обыденного, так и дисциплинарного), где прагматика исследования может требовать временного «принятия» гипотезы, еще не ставшего личным «убеждением». Ученый, к примеру, может принимать теоретические допущения как оперативные предпосылки исследования, не будучи убежденным в их онтологической истинности. Так, физик, работающий в рамках копенгагенской интерпретации квантовой механики, может инструментально принимать ее математический аппарат, не будучи убежденным в ее философских импликациях. А. Ю. Моисеева отмечает:

По-видимому, именно расхождения между [убеждением и принятием] могут послужить объяснением, например, для инструментализма относительно тех или иных теоретических понятий. Инструменталистский подход позволяет ученому говорить об объектах или явлениях, в существовании которых он сам не убежден, как о существующих. Однако менее интеллектуально честный,

так сказать, субъект обойдется в этом случае без всякого инструментализма, просто утверждая что-то, что противоречит его убеждениям, в силу требований теории (Моисеева, 2015: 96).

Обратный случай также возможен: субъект может быть убежден в истинности p , но намеренно не принимать p в конкретном контексте (например, в педагогической дискуссии, где требуется демонстрация навыков критического анализа, или в особых прагматических контекстах). А. М. Кардаш приводит такой пример последнего:

...[когда мы участвуем] в соревновательной игре, ход игры может приводить нас к убежденности в том, что мы проиграем, хотя мы и не хотим быть убежденными в этом (считая, допустим, что подобная убежденность плохо сказывается на мотивации продолжать соревноваться во всю силу) (Кардаш, 2022: 87).

Таким образом, феноменологические и функциональные различия между этими установками могут быть проведены по критериям контекстуальной зависимости и контроля. Первое означает, что принятие всегда релевантно к практическим или эпистемическим целям. А второе означает, что убеждения, в отличие от принятия, не поддаются прямому волевому контролю. Попытка убедить себя в заведомо ложной пропозиции ради внешней выгоды (например, денежного вознаграждения) проваливается в силу когнитивной «непрозрачности» убеждений, тогда как принятие аналогичной пропозиции в гипотетическом рассуждении (например, ради *reductio ad absurdum*) осуществимо. Значит, принятие функционирует как инструментальная установка, регулирующая рациональное поведение в рамках локальных задач, тогда как убеждение отражает глобальную эпистемическую позицию агента.

Помимо различия феноменологии принятия и убеждения, критики эпистемической деонтологии также делают акцент на контрасте между произвольностью действий (например, поднятием руки) и непроизвольностью убеждения. Чтобы проиллюстрировать, как работает в этом аспекте инволюнтаристская интуиция, можно привести следующий мысленный эксперимент:

«Невозможная сделка». Представим, что Иван — субъект с нормально функционирующей когнитивной конституцией. Однажды перед ним предстает Сумасшедший Эпистемолог, который выдвигает категоричное условие: либо Иван убеждается, что $2 + 2 = 148$, либо он наносит ему и окружающим его людям непоправимый вред.

Проблема с такой сделкой заключается в том, что не ясно, какой тип усилий должен приложить Иван, чтобы образовать убеждение, которое ему стоит иметь, исходя из пруденциальных (личная угроза) и моральных (угроза в отношении других людей) резонансов. Проблема не в том, что у Ивана нет мотивации принять это убеждение, но, кажется, не в его воле произвольно пересмотреть, что он полагает в качестве собственного убеждения, а что — нет. Причем трудность не в том, что у Ивана нет определенной способности, а в том, что такой способности не может быть в принципе. При этом Иван, разумеется, может принимать, что $2 + 2 = 148$, но вряд ли это удовлетворит Сумасшедшего Эпистемолога, так как он знает об описанном ранее функциональном и феноменальном различии принятия и убеждения.

Отметим также, что Иван, принимая пропозицию, вероятно, также искреннее желает, чтобы $2 + 2$ было равно 148. Помимо желания, можно также говорить, что Иван имеет интенцию быть убежденным, что p . Может показаться, что это открывает пространство для реабилитации деонтологизма. Действительно, в исходном инволюнтаристском аргументе не конкретизируется, какой тип волевого контроля требуется над убеждениями, чтобы деонтологические оценки были корректны. В области морали и права, например, вполне допустимы оценки не только в отношении действий, но также в отношении намерений и желаний. И даже если действие по какой-то причине неконтролируемо, то намерение может быть оценено (представьте себе субъекта, который намеревался совершить убийство, но ему помешали внешние обстоятельства). Может показаться, что такой тип контроля вполне реализуем в отношении убеждений: хотя Иван не может волевым усилием образовать убеждение, что p , но он, по крайней мере, может контролировать интенциональное состояние относительно убежденности в p или желание быть убежденным в p . Деонтологи могут сказать, что инволюнтаристы должны конкретизировать свой аргумент. Тогда он может выглядеть так:

(a') Если деонтологические оценки убеждений корректны, то субъекты обладают добровольным контролем над своими убеждениями в том смысле, что они убеждены, что p , на основании намерения (желания) быть убежденным в p .

(b') Но субъекты не имеют добровольного контроля над своими убеждениями в том смысле, что они могут иметь убеждение, что p , в результате намерения (желания) быть убежденными, что p .

Следовательно, (c') деонтологические оценки убеждений некорректны.

В такой версии этот аргумент выглядит менее правдоподобным, поскольку вторая посылка не является столь очевидной, как посылка (b) в исходном аргументе. Достаточно привести пример, когда желание или намерение становится основанием для убеждения, чтобы опровергнуть модифицированную версию инволонтаристского аргумента. В качестве такого примера можно рассмотреть следующий мысленный эксперимент:

«Волонтаристская машина»². Представим, что Сумасшедший Эпистемолог изобрел машину, которая фиксирует наличие убеждения. Далее он предлагает Ивану поучаствовать в опыте, в рамках которого его подключат к этой машине и зададут условие: (a) если в течение трех минут Иван формирует убеждение «в конце этих трех минут я получу 1000 рублей», то он получит 1000 рублей. Но, (б) если он не формирует убеждение «в конце этих трех минут я получу 1000 рублей», то он не получит этих денег. Будем считать, что машина работает с абсолютной точностью, а Сумасшедший Эпистемолог всегда выполняет свои обязательства.

Волонтаристы могут сказать, что в сценариях по типу «Волонтаристской машины» будет реализовываться докстатический контроль. Напомним, в чем состоит стандартное представление об убеждении: если S убежден, что p , то S полагает p истинным³. То есть в повседневных сценариях убежденность в пропозиции определяется тем, что она считается нами истинной. А так как истинность пропозиции вне нашего контроля, то кажется, будто и убеждение — тоже. Но представленный выше сценарий сконструирован таким образом, что наличие убеждения становится условием истинности пропозиции. Параметры сделки в этом сценарии позволяют, скажут волонтаристы, буквально производить истинные пропозиции на основании наличия докстатической установки. При этом наличие данной установки определяется одним лишь желанием быть убежденным. Таким образом, Ивану достаточно желать иметь убеждение, что он получит 1000 рублей, чтобы убедиться, что он получит 1000 рублей, и в итоге действительно получить 1000 рублей. Отметим, что представленная машина позволяет производить что-то вроде самосбывающихся пророчеств.

²Общая идея этого мысленного эксперимента взята из работы Р. Пилса (Peels, 2015).

³Пример более точной формулировки: « S формирует убеждение, что p , только если S формирует пропозициональное отношение, что p такое, что процессы, составляющие формирование пропозиционального отношения, реагируют на то, что способствует формированию пропозиционального отношения, содержание которого является истинным» (Yamada, 2012: 58)

Хотя указанный эксперимент является занимательным, тем не менее мы не считаем, что он подрывает инволютаристский аргумент. Чтобы объяснить причины такого утверждения, необходимо сказать, что желание и интенция схожи с убеждением в своей возможности выполнять репрезентативную функцию, но отличаются по феноменологии⁴. Ключевое различие между ними эксплицируется через критерий направления соответствия (*direction of fit*), концептуализированный Э. Энском (Anscombe, 1957: 56) и систематизированный Дж. Сёрлом (Searle, 1985: 3). Согласно этой модели, убеждения характеризуются миро-к-ментальным направлением соответствия: их функция заключается в репрезентации действительности такой, как она есть, что предполагает корректировку установки при конфликте с внешними данными.

Напротив, желаниям присуще ментальное-к-миру направление соответствия: они репрезентируют действительность такой, какой она должна стать, мотивируя субъекта к трансформации мира в соответствии с содержанием пропозиции. Этот дуализм отражает фундаментальное разделение между когнитивными (теоретическими, тетическими) и конативными (практическими, телеологическими) установками. Первые ориентированы на эпистемическую адекватность (истинность/ложность *p*), вторые — на практическую реализацию (удовлетворение *p*). Убеждение, таким образом, предполагает фактическую ориентацию: субъект убежден, что *p*, только если предполагает *p* актуально истинным в действительности. Как пишет Н. Шах,

R является резонансом для *X* иметь убеждение, что *p*, только если *R* способно склонить *X* к убеждению, что *p*, способом, характерным для функциониро-

⁴С нашей точки зрения, желания, в силу принципиального отличия в онтологии, ни в коей мере не могут быть основанием для убеждений. Но в некоторых подходах это различие игнорируется. К примеру, в естественной теологии существует проект фидеистского объяснения докстатического контроля, который предполагает, что желание может выступать в какой-то мере основанием для религиозных убеждений (в частности, *S* может быть убежден в существовании Бога на основании стремления или желания полагать Бога существующим). Подобную волюнтаристскую модель, на основе построений А. Плантинги, предлагает И. Г. Гаспаров. Он утверждает, что «чувство божественного» (*sensus divinitatis*) сначала представляет для *S* Бога как желанный объект, к которому он имеет намерение стремиться. А далее происходит признание «ментального содержания, выражающего существование и характер предмета желания, которое осуществляет разум под влиянием воли. Признание является актом разума, но в случае теистического убеждения — когда оно формируется естественным образом, но не посредством естественной теологии — разум совершает признание не путем умозаключения, то есть необходимым образом, а под воздействием воли, которая склоняется к этому содержанию, потому что оно представляется ей большим благом, чем его противоположность или воздержание от него» (Гаспаров, 2021: 30).

вания R в качестве предпосылки в доксистическом рассуждении [...] Привлекательность убеждения не говорит ни за, ни против истинности p , и вопрос об истинности p занимает единственное место в фокусе нашего внимания в доксистическом рассуждении. Когда мы задаем себе дискуссионный вопрос, стоит ли иметь убеждение, что p , этот вопрос уступает место вопросу о том, истинно ли p , и поэтому единственный способ ответить на первый вопрос — это ответить на второй (Shah, 2006: 487).

Из-за указанных различий в феноменологии мы склонны утверждать, что Иван в «Волонтаристской машине» может осуществить только принятие пропозиции, но убеждение все еще не под его контролем, так как отсутствует фактическая ориентация. Под последним мы подразумеваем неопределенность для Ивана истинностного значения пропозиции «я получу 1000 рублей» на момент начала эксперимента. Можно пойти дальше и сказать, что поскольку эта пропозиция относится к будущему, то мы должны приписать ей неопределенное значение в соответствии, например, с трехзначной логикой. А значит, перед нами не машина, производящая самосбывающиеся пророчества, а что-то вроде рандомайзера. Это становится особенно ясно, если инвертировать условия и попросить Ивана отказываться от формирования убеждения:

«Адская волонтаристская машина». Вновь представим, что Сумасшедший Эпистемолог разработал устройство, которое с абсолютной точностью фиксирует наличие определенного убеждения. Также мы знаем, что он всегда следует договоренностям. Теперь он предлагает Ивану поучаствовать в опыте на следующих условиях: как и в прошлый раз, испытуемый будет подключен к машине, фиксирующей наличие убеждения. Далее выдвигается условие: (а) если в течение трех минут Иван формирует убеждение, что «через три минуты мою голову отрубят автоматическая гильотина», то через три минуты его голову отрубят автоматическая гильотина. Но, (б) если в течение трех минут он не формирует убеждение, что «в конце этих трех минут мою голову отрубят автоматическая гильотина», то его голову не отрубят автоматическая гильотина. (1000 рублей поступает на счет Ивана просто за участие в эксперименте.)

Этот пример специально сформулирован нами так, что ставки в нем подняты максимально. Помимо прочего, это позволяет оппонировать волонтаристам с практической точки зрения: если они уверены в своей позиции, что могут контролировать убеждения, то нет никакой проблемы в том, чтобы гипотетически поучаствовать в таком опыте.

Другой параметр связан с тем, что здесь требуется не формировать, а наоборот, воздерживаться от формирования убеждения. Действи-

тельно, сторонники докстатического волонтаризма должны обращать внимание и на этот аспект. Контроль за убеждениями — это также способность посредством волевого акта не формировать определенное убеждение. Но на что должна быть направлена воля Ивана, чтобы не иметь убеждения, что ему отрубят голову? Может показаться, что он должен убеждать себя в том, что ложно, что ему отрубят голову. Или убеждать себя, что неверно, что ему отрубят голову. Он должен быть в конце концов убежден в том, что имеет убеждение, что не- p , где не- p — «неверно, что мне отрубят голову».

Но действительно ли быть «неубежденным» тождественно тому, чтобы быть убежденным в ложности некоторой пропозиции? Похоже, это не так. Мы можем представить субъекта, который заявляет, что не имеет убеждения, что «число звезд во вселенной четно». Но из этого мы не заключаем, что он считает, что ложно, что «число звезд во вселенной четно». Здравый смысл и обыденное словоупотребление подсказывают нам, что он скорее вообще не имеет никакого представления об истинностном значении пропозиции «число звезд во вселенной четно». Именно это подразумевают, когда говорят, что «я не имею убеждения на этот счет». Применительно к сценарию «Адская волонтаристская машина» это значит, что гильотина опять же срабатывает случайным для Ивана образом. А его попытки волевого контроля не имеют никакого значения для предопределения желательного исхода.

В конечном счете проблема здесь связана с тем, что желание интенционально направлено на контрфактическое состояние дел: субъект желает p , даже если признаёт p ложным в текущем мире или не имеет представления об истинностном значении p . Данное различие подчеркивает онтологическую асимметрию в структуре пропозициональных установок. Если убеждение p имплицитно утверждает уверенность в пропозиции в качестве элемента картины мира субъекта, то желание p конституирует проект ее преобразования. Из-за различия в направлении соответствия желание может служить основой для совершения действия, но не образования убеждения⁵. Это становится особенно ясным, если сравнить самый первый пример с еще двумя сценариями:

⁵При этом убеждение тоже может служить основанием для действия. В некоторых эпистемологических подходах может даже утверждаться, что «эпистемическая нормативность — это вид более общей перформативной нормативности (*performance normativity*)» (Кардаш, 2023: 110).

«Возможная исполнимая сделка». Ивану предлагается попрыгать на левой ноге — либо Сумасшедший Эпистемолог наносит ему и окружающим его людям непоправимый вред.

«Возможная неисполнимая сделка». Ивану предлагается подпрыгнуть на высоту в пять километров — либо Сумасшедший Эпистемолог наносит ему и окружающим его людям непоправимый вред.

Сценарий возможной неисполнимой сделки хотя и схож со сценарием невозможной сделки в том, что Иван не может актуально выполнить выдвинутое условие, но ограничения здесь являются лишь физическими. То есть конституция Ивана как обычного человека такова, что он не может подпрыгивать на подобную высоту, но мы можем вообразить, какой должна быть его конституция, чтобы это условие выполнялось. Таким образом, возможная неисполнимая сделка неисполнима именно физически, но возможна метафизически. В свою очередь, самый первый сценарий является невозможным именно метафизически. Если действие предполагает возможность альтернативного выбора, то убеждение детерминировано совокупностью доступных агенту свидетельств, представляющих p истинным. Даже в случаях косвенного влияния на убеждения (например, через целенаправленный сбор информации) конечная доксистическая установка не является прямым результатом волевого акта, но следствием когнитивной обработки данных. Но если убеждения не подчиняются прямому контролю, то деонтологическая модель эпистемической нормативности, требующая добровольности, оказывается неприменимой.

Как уже было сказано, наиболее известным сторонником инволонтаризма в современной эпистемологии является У. Олстон. Его критика эпистемического деонтологизма опирается на детальную классификацию форм контроля над убеждениями. Он утверждает, что деонтологическая модель требует нереалистичного уровня добровольного контроля над доксистическими установками. Это центральный тезис его работы «Деонтологические концепции эпистемического обоснования», где он отвергает возможность применения деонтических категорий (обязанность, вина, разрешение) к убеждениям, аргументируя это как раз отсутствием волевого управления ими. При этом Олстон признаёт нормативный характер эпистемического обоснования, однако настаивает, что его анализ должен избегать деонтологического словаря. Даже если косвенное влияние на убеждения все-таки окажется возможным, оно не соответствует требованиям классической деонтологической модели,

которая предполагает непосредственную связь между долженствованием и способностью. Для обоснования своей позиции Олстон выделяет четыре типа контроля над докстатическими установками (Alston, 1988).

- (1) Базовый добровольный контроль (*Basic Voluntary Control*). Способность совершать действия непосредственно через волевой акт (например, поднять руку). Применительно к убеждениям этот тип контроля иллюзорен: мы не можем по желанию поверить в пропозицию « $2 + 2 = 148$ » или отвергнуть перцептивную данность вроде «передо мной дерево с листьями».
- (2) Немедленный не-базовый контроль (*Non-Basic Immediate Voluntary Control*). Возможность достичь результата через последовательность базовых действий (например, открыть дверь, повернув ручку). Однако, считает Олстон, даже если агент способен влиять на условия формирования убеждений (например, собирать данные), сама докстатическая установка не становится продуктом прямого намерения.
- (3) Далеко идущий контроль (*Long Range Voluntary Control*). Способность воздействовать на события через пролонгированные усилия (например, контролировать вес через диету). В эпистемическом контексте это могло бы означать стратегическое формирование когнитивных привычек. Но, как подчеркивает Олстон, успешность таких усилий непредсказуема: ученый, разрабатывающий исследовательскую программу, не гарантирует формирования конкретного убеждения, поскольку итоговые выводы зависят от внешних свидетельств и логических ограничений.
- (4) Косвенное добровольное влияние (*Indirect Voluntary Influence*). Воздействие на убеждения через управление смежными процессами (например, выбор методологии, обучение критическому мышлению). Хотя этот тип контроля признается Олстоном, он считает его недостаточным для деонтологизма.

Критика Олстона ставит под сомнение применимость традиционной деонтологической модели к любым познавательным практикам, претендующим на нормативность. Например, обязательство агента, следующего рациональному методу, пересматривать свои гипотезы в свете противоречащих данных не может трактоваться как строгая «эпистемическая обязанность», если конечное убеждение детерминировано этими данными, а не волей. Это создает общую проблему: эпистемическая

нормативность, очевидно, существует в наших интеллектуальных практиках, но ее основания не могут быть сведены к индивидуальному долженствованию в его прямом деонтологическом смысле.

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НОРМАТИВНОСТЬ БЕЗ ДОКСАСТИЧЕСКОГО ВОЛОНТАРИЗМА

Р. Фельдман трансформирует инволюнтаристский аргумент через переосмысление природы эпистемических обязательств. В противовес Олстону, он утверждает, что *Ео* сохраняют легитимность даже при отсутствии прямого волевого контроля. Таким образом, его аргументация строится на отрицании посылки (а) стандартного инволюнтаристского аргумента — тезиса о том, что обязанности требуют способности их выполнить.

По мнению Фельдмана, существуют категории обязательств (академические, юридические, профессиональные), которые сохраняют силу вопреки невозможности их реализации. Например, студент со специфической травмой мозга, неспособный написать учебное эссе, все равно остается связанным академическими требованиями, а должник, потерявший доход, — юридическим обязательством выплаты кредита. Эти случаи, по Фельдману, аналогичны эпистемическим обязанностям: «Требования курса к студенту включают работу, которую он не в состоянии выполнить. [...] Его неспособность не отменяет существования обязательств» (Feldman, 1988: 241–242).

Эпистемические обязательства в такой трактовке оказываются подобны контрактным. Они возникают не из волевой способности агента, а из нормативной структуры контекста. В более поздних работах, таких как «Этика убеждений» (Feldman, 2000), Фельдман развивает свою позицию, переходя от «контрактной» модели к «ролевой». Теперь эпистемические обязанности, по его мнению, проистекают не из условных соглашений, а из исполнения агентом специфических ролей — будь то роль ученого, учителя или просто рационального гражданина демократического общества. Например, учитель обязан ясно объяснять материал, а родитель — заботиться о ребенке независимо от их способности выполнить эти требования в конкретный момент. Аналогично, эпистемический агент обязан формировать убеждения в соответствии с доступными свидетельствами, даже если его когнитивные ограничения делают это невозможным.

Ролевой подход позволяет сохранить связь долженствования с эвиденциализмом — представлением о том, что обоснование убеждений определяется соответствием доступным доказательствам. Эпистемическая

цель достижения истины налагает на агента обязанность следовать эвиденциалистским стандартам, даже если их реализация затруднена: обязанность иметь убеждения в соответствии с доказательствами существует независимо от того, способен ли субъект ее исполнить. Эвиденциализм становится для Фельдмана инструментом, связывающим нормативность с объективным соответствием свидетельствам, а не с субъективным волевым актом. Согласно его подходу, эвиденциализм определяется двумя тезисами.

- (1) *Тезис об обосновании*: доксистическая установка (вера, неверие, приостановка суждения) эпистемически обоснована тогда и только тогда, когда она соответствует совокупности доказательств, доступных субъекту.
- (2) *Тезис о знании*: обоснование, понимаемое в эвиденциалистских терминах, является необходимым условием знания.

Доказательства в этой концепции ограничиваются ментальными состояниями субъекта — восприятием, интроспекцией, памятью, а также априорными основаниями (например, логическими выводами). Таким образом, обоснование становится функцией внутренней когнитивной среды:

[R₄] Доксистическое отношение D к пропозиции p эпистемически обосновано для S в момент t , если и только если D соответствует доказательствам, которыми S обладает в t (Feldman & Conee, 1985: 340).

Фельдман настаивает, что такая оценка убеждений не требует добровольного контроля над ними. Даже если формирование убеждения детерминировано внешними по отношению к воле процессами (например, перцептивными данными), оно может быть нормативно оценено как обоснованное или нет. Для иллюстрации можно привести два случая.

- (1) *Перцептивное убеждение*: субъект, видящий включенный свет в своей комнате, спонтанно формирует убеждение, что «свет горит». Это убеждение обосновано, несмотря на отсутствие контроля над его формированием.
- (2) *Параноидальное убеждение*: субъект, страдающий паранойей, считает, что за ним следят, без каких-либо свидетельств. Убеждение не оправдано, даже если его источник — неконтролируемые психологические процессы.

Эти примеры призваны продемонстрировать, что нормативная оценка зависит не от агентности, а от соответствия доказательствам. Эпистемический субъект должен иметь доксистическое отношение, соот-

ветствующее его доказательствам. Быть обязанным иметь убеждение эквивалентно тому, чтобы быть обоснованным. Как можно увидеть, это соответствует деонтологическому принципу [R2], который формулировался выше.

С нашей точки зрения, этот подход особенно релевантен для анализа любых практик, где действуют явные методологические стандарты. Нормативное требование к агенту пересмотреть убеждение при появлении аномальных данных исходит не из его волевого выбора, а из правил рациональной процедуры (будь то научный метод, юридический анализ или философская дискуссия), которые, в свою очередь, отражают эвиденциалистский идеал.

Здесь может возникнуть вопрос: почему эвиденциализм является неким эпистемическим идеалом? Отвечая на него, стоит обратиться к вопросу об эпистемической ценности, связывая нормативность следования доказательствам с достижением целей познания. Здесь акцент смещается на позитивную программу: демонстрацию того, что следование доказательствам не только оправдано, но и необходимо для максимизации эпистемической ценности.

Как уже говорилось, эпистемические обязанности обретают смысл через связь с фундаментальной целью познания — приобретением истинных убеждений и избеганием ложных. Эта цель обладает эпистемической ценностью, которая не сводится к моральной или практической значимости. По Фельдману, следование доказательствам становится оптимальной стратегией для достижения этой ценности: «Мы должны следовать нашим доказательствам, потому что это лучший способ обладать ценными убеждениями» (Feldman, 2000: 683). Рациональность отождествляется с формированием убеждений, соответствующих доступным свидетельствам. Это отражается в следующем принципе:

[R5] *S* максимизирует эпистемическую ценность, значит *S* имеет поддерживаемую рациональными доказательствами *Da* в отношении *p*.

Данный принцип дополняет ранее сформулированный [R4], подчеркивая, что нормативность укоренена в рациональности: следование свидетельствам — наиболее эффективный путь к эпистемическому совершенству. При этом Фельдман акцентирует, что эвиденциализм фокусируется на эпизодической ценности — оценке каждого конкретного случая формирования убеждения. Например, ученый, интерпретирующий результаты эксперимента, обязан руководствоваться текущими данными, даже если это противоречит его предшествующим гипотезам.

В этом контексте нормативное требование действует «здесь и сейчас», независимо от долгосрочных когнитивных стратегий, таких как обучение или развитие методологической дисциплины. Однако долгосрочные практики (например, систематическое обучение) косвенно способствуют достижению эпистемических целей. Тем не менее они остаются за рамками эвиденциалистской модели, которая ограничивается анализом непосредственного соответствия убеждений и доказательств⁶.

Отметим, что такой подход вызывает вопросы. Если эвиденциализм игнорирует долгосрочные аспекты (например, роль образования в формировании навыков оценки свидетельств), не сужает ли это его объяснительный потенциал? Например, молодой исследователь, не обладающий достаточной экспертизой, может ошибочно интерпретировать данные, следуя своим текущим (но ограниченным) доказательствам. Эвиденциализм, сосредоточенный на эпизодической ценности, не дает инструментов для оценки подобных ошибок. Пытаясь разрешить это затруднение, Фельдман полагает, что его модель не претендует на универсальность. Она описывает идеализированный стандарт, к которому следует стремиться в каждом когнитивном акте, даже если внешние условия (нехватка знаний или когнитивные искажения) препятствуют его полной реализации. Эвиденциалистская нормативность проявляется в требовании когнитивной гибкости: при появлении новых существенных доказательств рациональный агент обязан пересмотреть свою позицию. Например, если новые неопровержимые данные противоречат ранее принятой модели (неважно, в бытовом суждении или в специализирован-

⁶Здесь необходимо сказать, что существует еще одна важная тема, которая не обсуждается нами в рамках данной статьи, но имеет значение для понимания эвиденциализма. Это вопрос о разнице объективного и субъективного обоснования, а также их ценности. Данная проблема схожа с вопросом о дихотомии субъективного и объективного долга в моральной философии. В отношении концепции Фельдмана можно выдвинуть обвинение в том, что эвиденциализм говорит нам лишь о субъективном (эпизодическом, индивидуальном) эпистемическом обязательстве, не говоря ничего об объективном. Но следуя за наилучшим из доступных мне доказательств, я вполне могу в действительности заблуждаться, а значит в объективном смысле иметь «плохие», то есть необоснованные убеждения. Критики могут сказать, что хорошая теория эпистемической нормативности должна говорить нам в том числе (и прежде всего) о том, какие у нас есть объективные эпистемические обязательства. Не углубляясь в подробности этих дебатов, отметим, что Фельдман не принимает аналогии между моральными и эпистемическими обязательствами, считая, что в последнем случае объективные обязательства идентичны субъективным. Это известно как «тезис об эквивалентности», с которым мы соглашаемся в рамках этой статьи. Автор благодарит А. Т. Юнусова за указание на важность данной проблемы.

ном исследовании), то эпистемический долг предписывает коррекцию убеждения, даже если это психологически трудно.

Как можно заключить, аргументация Фельдмана в целом отвечает на вызов, сформулированный Олстоном. Фельдман обходит проблему несоотнесенности инволюнтаризма и нормативности, переопределяя обязанности как требования соответствия доказательствам, а не как результат волевого акта. Таким образом, даже если ученый не контролирует свое убеждение в истинности теории, он может быть оценен через призму того, насколько это убеждение согласуется с доступными доказательствами.

Из подхода Фельдмана можно вывести своеобразную двухуровневую систему доккастического контроля:

- (1) индивидуальный уровень — убеждения формируются произвольно, но оцениваются через соответствие доказательствам;
- (2) коллективный уровень — научное сообщество корректирует убеждения через институциональные практики (рецензирование, эксперименты).

Такой подход кажется продуктивным для сохранения идеи эпистемической нормативности в науке при согласии с общим инволюнтаристским тезисом. Нормативные требования перемещаются с индивидуального агента на систему правил и стандартов, регулирующих производство знания.

При этом против эвиденциализма Р. Фельдмана можно выдвинуть ряд возражений. Среди них наиболее значимыми являются обвинения в том, что его модель сохраняет возможность игнорировать доказательства, отрицает диахронический аспект обязательств и пестует рациональность через депривацию доказательств.

Первое возражение касается случаев, когда субъект избегает сбора дополнительных свидетельств, сохраняя убеждения вопреки потенциально опровергающим данным. Это затруднение возникает из-за того, что в рамках эвиденциализма обязанность следовать доказательствам действует только в отношении текущих данных, даже если их объем ограничен или сознательно сужен.

Для иллюстрации этой проблемы можно представить исследователя в области климатологии, обнаружившего аномалию в данных о температуре океана и написавшего об этом широко цитируемую статью. Далее он игнорирует новые спутниковые измерения, противоречащие его модели. Согласно эвиденциализму, текущие убеждения такого климатолога обоснованы до момента знакомства с новыми данными. Однако, если

хотя бы заголовок нового исследования попадает в поле его внимания, статус доказательств меняется: даже без детального анализа авторитет источника требует пересмотра позиции. Отвечая на это возражение, Фельдман подчеркивает, что эвиденциализм определяет только, «во что верить сейчас», а не «как собирать данные». Нормативность здесь эпизодична: ученый обязан корректировать убеждения по мере поступления свидетельств, но не обязан предвосхищать их.

Второе возражение является, по существу, трансформацией первого. Многие философы полагают, что эпистемические обязательства требуют не только придерживаться актуально обоснованных убеждений, но также проявлять активность в поиске доказательств. То есть мы не только обязаны следовать за наилучшим из доступных доказательств, но также должны быть активными в новых исследованиях. Дж. Холл и Ч. Джонсон, например, настаивают, что эпистемический долг включает не только соответствие текущим данным, но и их систематический сбор (Hall & Johnson, 1988). Фельдман отвергает это, ограничивая сферу эвиденциализма оценкой имеющихся свидетельств.

Для иллюстрации этой проблемы можно привести следующий пример. В фармакологии исследователь, получивший предварительные положительные результаты для препарата, обязан провести дополнительные испытания для исключения плацебо-эффекта. Однако с позиции Фельдмана получается, что это требование относится к моральной или методологической сфере, а не к эпистемической. Обоснованность текущего убеждения в эффективности препарата зависит от доступных данных, даже если их недостаточно.

Отметим, что такой подход не ортодоксален для эпистемологии науки, где нормативность часто включает долгосрочные обязательства (например, принцип воспроизводимости). Фельдман признаёт, что эвиденциализм молчит о таких процессах, но настаивает, что они на самом деле регулируются иными — социальными или прагматическими — нормами.

Наконец, третье возражение указывает на парадокс: субъект, искусственно ограничивающий доступ к данным (например, стирая память), может считаться «рациональным» в рамках эвиденциализма, если его убеждения соответствуют скудным свидетельствам.

В качестве примера можно представить историка, сознательно игнорирующего архивные материалы, противоречащие его теории. Она формально остается обоснованной в рамках текущих данных. Однако это противоречит научной этике, требующей максимальной полноты

свидетельств. Фельдман соглашается, что такие случаи абсурдны с моральной или практической точки зрения, но сохраняет их эпистемическую легитимность. Рациональность, по его мнению, оценивается исключительно через соответствие доступным свидетельствам, даже если их источник проблематичен.

Если суммировать указанные возражения, то можно выявить два ключевых фактора напряжения между эвиденциализмом без докстического контроля и нормативностью в науке.

- (1) *Эпизодичность/диахрония*: эвиденциализм фокусируется на ментальных оценках, тогда как научная практика требует долгосрочных обязательств (например, фальсификационизм Поппера).
- (2) *Индивидуальное/коллективное*: нормативность в науке часто воплощается в институциональных механизмах (рецензирование, метаанализ), которые компенсируют ограничения индивидуального контроля.

Фельдман предлагает «минималистическую» модель, отделяющую эпистемическую оценку от морально-прагматических требований. Это позволяет сохранить нормативность в условиях докстической пассивности, но оставляет открытыми вопросы о роли социальных структур в производстве знания. Следовательно, возражения против эвиденциализма подчеркивают необходимость дополнения этой модели социально-эпистемологическими подходами. Если Фельдман прав в том, что то, «каких убеждений придерживаться», определяется текущими доказательствами, то «как искать истину» — задача институтов, балансирующих между индивидуальной рациональностью и коллективной ответственностью. Отказ от деонтологизма не означает отказа от нормативности как таковой — вместо «обязанностей» в стиле Клиффорда можно апеллировать к критериям интеллектуальной добродетели или к социально-эпистемологическим стандартам, где акцент смещается с индивидуального контроля на коллективные практики и институциональные нормы. Тогда, как отмечает С. Р. Муртазин, «ответственность ученого может пониматься не только как необходимость соблюдения определенного набора правил, в том числе направленных против ошибок и фальсификаций, но также понимания того, по каким именно причинам их соблюдение нужно для научного познания» (Муртазин, 2021: 59)⁷.

⁷Также важно отметить, что указанные альтернативные стратегии, такие как эпистемология добродетелей (Э. Загзебски, Л. Код) и релейабиллизм (Э. Голдман, А. Плантинга), также стремятся сместить фокус с прямого волевого контроля над отдельными убеждени-

Но относительно последнего стоит обратить внимание на то, что эта нормативность является эпистемической в весьма условном смысле, поскольку она связана не с резонами формирования убеждения, а с резонами принятия пропозиции или суждения. Некоторые сторонники докстатического волонтаризма считают, что мы должны интерпретировать докстатический контроль как контроль над процессом формирования убеждения, который в целом возможен. Оппонируя позиции эвиденциализма, они стремятся показать, что возможны случаи, когда доказательства не могут «навязывать» нам убеждение, а значит, его формирование зависит от акта волевого выбора. Как правило, в качестве подобных примеров приводятся случаи, когда свидетельства неоднозначны, то есть имеются достаточные эвиденциальные причины для убежденности в противоречащих пропозициях. Раскрыть это можно через следующий пример:

«Тест по математике». Представим студента, решающего сложную математическую задачу на экзамене. Ему даны варианты ответа в формате теста (он знает, что один из них точно верный). После исключения заведомо ложных вариантов он останавливается на двух правдоподобных — *A* и *B*. При этом студент не обладает достаточными основаниями для однозначного выбора окончательного ответа. Под давлением времени студент записывает ответ *A*, руководствуясь слабым перевесом в доказательствах — например, интуитивной «красотой решения».

Сторонники докстатического волонтаризма, как, например, К. Кассам (Cassam, 2010), интерпретируют этот акт студента как волевое суждение, порождающее убеждение. Однако кажется, что феноменология процесса противоречит такому выводу: студент не формирует устойчивую докстатическую установку, а скорее принимает гипотезу *A* как временное решение в рамках прагматических ограничений. Это принятие, в отличие от убеждения, не требует внутренней уверенности

ями. Эпистемология добродетелей переносит нормативные оценки на уровень устойчивых интеллектуальных черт характера агента, чье формирование, хотя и не мгновенное, допускает элемент косвенного культивирования. Релейабелизм связывает обоснованность с происхождением убеждения из надежных когнитивных процессов, что также не требует от агента произвольного контроля в момент формирования убеждения. Тем не менее в вопросе докстатического контроля у эвиденциалистской модели есть одно существенное преимущество. В отличие от добродетелей, которые оценивают агента в долгосрочной перспективе, или надежности процесса, которая может быть только ретроспективной, эвиденциализм Фельдмана предлагает синхронный и интерсубъективно проверяемый стандарт, соответствующий локальным требованиям конкретных познавательных практик.

и может быть пересмотрено при появлении новых данных — например, после проверки решения с учителем вне экзаменационного контекста. Данный пример демонстрирует, что даже в условиях эпистемической неопределенности «выбор» ответа не эквивалентен формированию убеждения. Это согласуется с более общим тезисом о том, что убеждения следуют за свидетельствами, а не волей.

Таким образом, эпистемическая нормативность реализуется через динамическую систему «разделения когнитивного труда». Индивидуальный эпистемический агент, будучи инволюнтаристом в отношении своих непосредственных убеждений, действует в рамках институциональных ролей, которые предписывают определенные процедуры (например, для научного познания ими могут быть методология эксперимента, проверка расчетов, представление данных) и коммуникативные действия (публикация, ответ на критику, участие в рецензировании). Эти процедуры и действия, в отличие от убеждений, являются объектами прямого или косвенного волевого контроля. Системная нормативность действует, во-первых, через фильтрацию: сообщество отсеивает утверждения, не прошедшие процедурную проверку, независимо от личных убеждений их авторов. Во-вторых — через принудительное перераспределение эпистемических ресурсов: критика и запрос на дополнительные свидетельства изменяют доказательственную базу, доступную индивиду, что, в силу инволюнтаристского механизма, ведет к пересмотру убеждений. Таким образом, коллективная рациональность не отменяет инволюнтаризм на индивидуальном уровне, а использует его как механизм, направляя его через управление контекстом (доказательствами и социальными стимулами), в котором формируются убеждения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ проблемы доксистического контроля демонстрирует, что классический деонтологический подход, связывающий эпистемические обязанности с прямым волевым контролем, оказывается несостоятельным перед лицом инволюнтаристской критики. Как было показано в серии мысленных экспериментов, убеждения формируются пассивно, под принудительным давлением свидетельств и логических связей, а не через произвольные акты суждения. Попытки спасти волюнтаризм через апелляцию к контролю над желаниями или интенциями наталкиваются на фундаментальное различие в «направлении соответствия» между когнитивными и конативными установками. Однако опровержение волюнтаризма и деонтологической модели в ее строгом

виде не отменяет саму возможность эпистемической нормативности, но требует ее переосмысления. Ключевым шагом на этом пути является последовательное различение убеждения как произвольного когнитивного состояния и принятия как целенаправленной стратегии, регулируемой прагматическими и социальными контекстами.

В качестве конструктивной альтернативы мы рассмотрели эвиденциалистскую модель Р. Фельдмана, которая переопределяет эпистемические обязательства. Согласно этому подходу, нормативное требование состоит не в том, чтобы «произвольно выбирать правильные убеждения», а в том, чтобы иметь убеждения, соответствующие совокупности доступных агенту доказательств. Нормативность здесь укоренена не в свободе воли, а в объективном соответствии между ментальным состоянием и свидетельствами, а также в исполнении агентом определенной познавательной роли. Эта «ролевая» модель позволяет сохранить оценочные категории вроде обоснованности и иррациональности даже при полном признании инволюнтаристской природы самих убеждений.

Признание ограничений чистого эвиденциализма (его эпизодичность, парадоксы искусственного неведения) закономерно приводит к заключительному выводу. Эпистемическая нормативность в конечном счете оказывается свойством не изолированного индивида, а систем коллективной познавательной деятельности. Индивидуальный когнитивный агент, будучи пассивным в формировании убеждений, включен в сеть социальных практик — критической дискуссии, методологических стандартов, процедур верификации и институциональных фильтров (таких как рецензирование). Именно эти социально-эпистемологические механизмы берут на себя функцию, непосильную для индивидуальной воли: они систематически корректируют, фильтруют и шлифуют убеждения, сводя к минимуму субъективные искажения и максимизируя их соответствие реальности в долгосрочной перспективе. Итоговые тезисы статьи можно сформулировать следующим образом: проблема докстатического контроля разрешается не через реабилитацию индивидуального волевого контроля, а через (1) признание эпистемической нормативности как имманентного свойства социально организованных систем производства знания и (2) уточнение, что непосредственным объектом этой нормативности в познавательной практике выступает контролируемое принятие утверждений, которое через институциональные механизмы управляет формированием и коррекцией личных убеждений.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров И. Г.* Преамбула «преамбулы веры» // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. — 2021. — Т. 10, № 2. — С. 12–32.
- Кардаш А. М.* Является ли традиционной концепция знания как истинного и обоснованного мнения? // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. — 2022. — Т. 7, № 2. — С. 84–94.
- Кардаш А. М.* Эпистемология сначала-знания и релейабиллизм добродетелей Кристофа Келпа // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. — 2023. — Т. 8, № 1. — С. 110–117.
- Карпов К. В.* Проблема начала знания. Размышления о волонтаристской модели обоснования теистического убеждения // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. — 2023. — Т. 20, № 4. — С. 174–187.
- Клиффорд У.* Этика убеждения / пер. с англ. Ю. В. Горбатовой, Б. В. Фауля // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — Т. 3, № 3. — С. 37–53.
- Моисеева А. Ю.* Феноменальный и эпистемологический аспекты убеждения // Философия науки. — 2015. — Т. 65, № 2. — С. 89–98.
- Муртазин С. Р.* Проблема доверия и ответственности в научном познании (на примере статьи Дж. Хардвиг) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2021. — № 42. — С. 56–61.
- Фауль Б. В.* Этика убеждения У. К. Клиффорда // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — Т. 3, № 3. — С. 15–36.
- Alston W. P.* The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*. — 1988. — Vol. 2. — P. 257–299.
- Anscombe G. E. M.* *Intention*. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1957.
- Cassam Q.* Judging, Believing and Thinking // *Philosophical Issues*. — 2010. — Vol. 20, no. 1. — P. 80–95.
- Cohen L. J.* Belief and Acceptance // *Mind*. — 1989. — Vol. 98, no. 391. — P. 367–389.
- Feldman R.* Epistemic Obligations // *Philosophical Perspectives*. — 1988. — Vol. 2. — P. 235–256.
- Feldman R.* The Ethics of Belief // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 2000. — Vol. 3. — P. 667–695.
- Feldman R., Conee E.* Evidentialism // *On Knowing and the Known : Introductory Readings in Epistemology* / ed. by K. G. Lucey. — New York : Prometheus Books, 1985. — P. 340–357.
- Hall C., Johnson R.* The Epistemic Duty to Seek More Evidence // *American Philosophical Quarterly*. — 1988. — Vol. 35. — P. 129–140.
- Peels R.* Believing at Will is Possible // *Australasian Journal of Philosophy*. — 2015. — Vol. 93, no. 3. — P. 1–18.
- Searle J.* *Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts*. — New York : Cambridge University Press, 1985.

Shah N. A New Argument for Evidentialism // *Philosophical Quarterly*. — 2006. — Vol. 56, no. 225. — P. 481–498.

Yamada M. Taking Aim at the Truth // *Philosophical Studies*. — 2012. — Vol. 157, no. 1. — P. 47–59.

Khort, M. G. 2026. “Evidentialist-skiy podkhod k probleme doksasticheskogo kontrolya i epistemicheskoy normativnosti [The Evidentialist Approach to the Problem of Doxastic Control and Epistemic Normativity]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (2), 221–246.

MIKHAIL KHORT
PHD IN PHILOSOPHY
ASSOCIATE PROFESSOR

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY (KAZAN, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-4284-6533

THE EVIDENTIALIST APPROACH TO THE PROBLEM OF DOXASTIC CONTROL AND EPISTEMIC NORMATIVITY

Submitted: Mar. 31, 2025. Reviewed: Aug. 20, 2025. Accepted: Apr. 12, 2026.

Abstract: The article examines the problem of doxastic control in the context of epistemic normativity, focusing on the contradiction between voluntarism and involuntarism regarding beliefs. The author critiques the deontological model, which ties the obligations of epistemic agents to direct volitional control, and argues that beliefs are formed passively under the pressure of evidence rather than arbitrary decisions. However, normativity is preserved by reinterpreting epistemic obligations as alignment with evidence (R. Feldman’s evidentialism). A key argument is the distinction between belief and acceptance. A series of thought experiments is presented to demonstrate the impossibility of voluntary belief formation, emphasizing its dependence on empirical and logical foundations. Feldman’s evidentialism shifts normativity to the level of agents’ role-based obligations, where the evaluation of beliefs depends on their alignment with available evidence rather than individual choice. The author acknowledges the limitations of evidentialism (e.g., neglecting long-term obligations, paradoxes of artificially restricted data) but argues that these issues are mitigated by socio-epistemological mechanisms. The main conclusion of the article is that epistemic normativity in science is a property of systems, not individuals. It is realized through methodological standards and collective rationality, shifting the focus from ought to the conditions of knowledge production.

Keywords: Doxastic Control, Epistemic Normativity, Voluntarism, Involuntarism, Evidentialism, Social Epistemology.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-221-246.

REFERENCES

Alston, W. P. 1988. “The Deontological Conception of Epistemic Justification.” *Philosophical Perspectives* 2:257–299.

Anscombe, G. E. M. 1957. *Intention*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Cassam, Q. 2010. “Judging, Believing and Thinking.” *Philosophical Issues* 20 (1): 80–95.

- Clifford, W. 2019. "Этика убеждения [The Ethics of Belief]" [in Russian], trans. from the English by Yu. V. Gorbatoва and B. V. Faul'. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 3 (3): 37–53.
- Cohen, L. J. 1989. "Belief and Acceptance." *Mind* 98 (391): 367–389.
- Faul', B. V. 2019. "Этика убеждения У. К. Клиффорда [The Ethics of Belief of W. K. Clifford]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 3 (3): 15–36.
- Feldman, R. 1988. "Epistemic Obligations." *Philosophical Perspectives* 2:235–256.
- . 2000. "The Ethics of Belief." *Philosophy and Phenomenological Research* 3:667–695.
- Feldman, R., and E. Conee. 1985. "Evidentialism." In *On Knowing and the Known: Introductory Readings in Epistemology*, ed. by K. G. Lucey, 340–357. New York: Prometheus Books.
- Gasparov, I. G. 2021. "Preambula 'preambuly very' [The Preamble of 'the Faith Preamble']" [in Russian]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy]* 10 (2): 12–32.
- Hall, C., and R. Johnson. 1988. "The Epistemic Duty to Seek More Evidence." *American Philosophical Quarterly* 35:129–140.
- Kardash, A. M. 2022. "Yavlyayet-sya li traditsionnoy kontseptsiya znaniya kak istinnogo i obosnovannogo mneniya? [Is the Concept of Knowledge as True and Justified Belief Traditional?]" [in Russian]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity]* 7 (2): 84–94.
- . 2023. "Epistemologiya snachala-znaniya i relay-abilizm dobrodeteley Kristofa Kelpa [Christoph Kelp's Epistemology of Knowledge-First and Virtue Reliabilism]" [in Russian]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity]* 8 (1): 110–117.
- Karpov, K. V. 2023. "Problema nachala znaniya. Razmyshleniya o volyuntarist-skoy modeli obosnovaniya teisticheskogo ubezhdeniya [The Problem of the Beginning of Knowledge. Reflections on the Voluntaristic Model of Justification of Theistic Belief]" [in Russian]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy]* 20 (4): 174–187.
- Moiseyeva, A. Yu. 2015. "Fenomenal'nyy i epistemologicheskiy aspekty ubezhdeniya [Phenomenal and Epistemological Aspects of Belief]" [in Russian]. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science]* 65 (2): 89–98.
- Murtazin, S. R. 2021. "Problema doveriya i otvet-stvennosti v nauchnom poznanii (na primere stat'i Dzh. Khardviga) [The Problem of Trust and Responsibility in Scientific Cognition (on the Example of J. Hardwig's Article)]" [in Russian]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy]*, no. 42, 56–61.
- Peels, R. 2015. "Believing at Will is Possible." *Australasian Journal of Philosophy* 93 (3): 1–18.
- Searle, J. 1985. *Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts*. New York: Cambridge University Press.
- Shah, N. 2006. "A New Argument for Evidentialism." *Philosophical Quarterly* 56 (225): 481–498.
- Yamada, M. 2012. "Taking Aim at the Truth." *Philosophical Studies* 157 (1): 47–59.